

МАСКИ БОРИСА ПЛОСКОВА

В КВАРТИРЕ Бориса Пlosкова, актера Пермского ТЮЗа, останавливаешься пораженный. Со стены на вас взирают маски... маски... маски...

Первое впечатление сложное, о нем можно рассказывать многими словами, но определение «красиво» здесь явно не подходит. Скорей ощущаешь какой-то отголосок первобытного ужаса и вечно влекущее воздействие экзотики. Потом, взглядевшись, начинаешь с помощью гостеприимного хозяина читать их, как увлекательную книгу.

Вот монгольская маска бога войны — маска наивная и злобная. Его уродливая спокойно-торжествующая голова богато разукрашена. Но что служит украшением? Корона из черепов, страшные белые змеи, ниспадающие на позолоченное лицо причудливыми гириандами. Звериный оскал — и корона из черепов. Не правда ли, лаконичный и яркий апофеоз войны?

Рядом — классическая маска трагедии, одна из двух масок, до сих пор символизирующих театр. В ней нет ничего уродливого. Обычное правильное эллинское лицо. Но здесь все

напряжено, все кричит, все исходит боль и возмущение — в этой маске есть непосредственность древних видений. В древних трагедиях герои прямодушны в выражении чувств: если им больно — плачут, если возмущены — кричат.

Мгновение — и маска приобретает конкретность. Это не просто трагедия, а трагедия фивского царя Эдипа. Это его рот кричит от ужаса, кровоточат пустые глазницы. И невольно думается — а как бы выглядела маска современной, оптимистической трагедии, где сдержанность лишь подчеркивает страдание? Маска с плотно сомкнутым ртом?

Бориса Пlosкова трудно назвать обыкновенным коллекционером. Он не просто собирает маски. Все они сделаны его руками, но навеяны работами народных мастеров Японии и Китая, Гаити и Древней Эллады. Более всего его привлекают современные театральные маски, а так как культ масок сохранился лишь в театрах Востока, японские театральные маски наиболее полно представлены в его коллекции.

В Японии существуют два театра масок — старинный традиционный Но и молодой демократичный Кабуки.

В коллекции масок Кабуки и особенно масок. Но встречается немало масок, выражающих не только эмоции (страх, ужас), но и идеи (юность и старость, доброта, коварство). Борис Александрович представляет нам маски театра Но. Одна из них — лысый старик — так и лучится тем, что в старину у нас называли «приятностью», чрезмерной сладостью. А эти две маски — юноша и старец — собственно, два облика одного персонажа — Самбасо. В представлении театра Но, где основным элементом является превращение героя, Самбасо в первом акте — юноша-самурай, во втором — черный старец. Мастер считает, что самое характерное для юности — гладкость кожи, ни морщин, ни волос (американец Рэй Брэдбери пишет об одном из героев своего рассказа: юноша с лицом розовым, как мякоть спелой дыни). Маска старца — лицо черно, изборождено морщинами, длинные седые волосы. В этих двух масках как бы воплощены юность и старость.

В ряд выстроились маски театра Кабуки (в Кабуки это не маски, а скорей маскообразный грим). Их создатели связывают каждый оттенок чувства человека с... цветом линий на его лице. Сочетание цвета и линий многое может рассказать о герое — кто он, какие чувства сейчас испытывает. Если китайский театр использовал в гриме дюжину цветов, то в современном театре Кабуки пользуются в основном тремя: красным, обозначающим страсть, справедливость, доблесть; синим —

зло, волшебную силу, и черным.

Увлечение масками для Бориса Александровича не просто хобби. Работа актера — это и постоянные поиски внешней выразительности. Особенно важна эта внешняя выразительность в трупповских спектаклях — ведь дети при появлении нового персонажа сразу должны знать, кто он.

В прологе спектакля «Снежная королева» на сцене Пермского ТЮЗа появляется Советник — Борис Пlosков, и сразу от его элегантной внешности веет чем-то ледяным, злобным. Этот эффект достигается не только безукоризненно элегантным костюмом, не только злобной пластикой гибкой черной фигуры, но и специфическим гримом. Между тем, грим сравнительно прост — несколько штрихов вокруг глаз, немного изменена линия губ — и мы невольно вспоминаем маски Кабуки с их принципом преобразовать лицо, подчеркивая естественные линии.

Рассматривая маски театра Но, не трудно уловить принцип, по которому народные мастера создают маски леших, злых духов. В них подчеркивается не просто уродливо-безобразное, а уродливо-пугающее. В них человек запечатлел свое отношение к неведомым силам природы, художественно переработал все то страшное, непонятное, безобразное, что находил в мире, видел в природе.

Баба-Яга в шварцевских «Двух кленах» у Бориса Пlosкова не характер, а скорее, само воплощение темных сил природы. Его Баба-Яга не столько пугающая, сколько безобразная. И он отбирает для грима все безобразное. Крючковатый нос, короста на подбородке, напоминающая нарост на дереве, косичка из пакли, зеленовато-грязный цвет лица. Грим, похожий на маску.

Еще начиная работать в театре Калининграда, Пlosков впервые сделал маскообразный грим, играя Дуремара в «Золотом ключике». С Дуремара, пожалуй, все и началось...

А. ЛАВРОВА.

На снимках: артист Пермского ТЮЗа Борис Пlosков в роли Советника в спектакле «Снежная королева»; маски японского театра Но; Б. Пlosков в роли Бабы-Яги (спектакль Пермского ТЮЗа «Два клена»).

Фото Л. Булышко.

